

СОЦИОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-161-182
УДК 821.161.1

К социологии литературного скандала

© 2019, А.И. Рейтблат

Аннотация: В реальной литературной жизни скандал — элемент если не повседневный, то достаточно привычный, а наука о литературе ни анализирует его, ни включает термин «скандал» в свой категориальный аппарат не стремится. В статье сделана попытка продемонстрировать, что скандал — нормальный элемент литературной системы, выполняющий важную стабилизирующую роль. Нормы литературной этики — неписанные и некодифицированные, но подавляющее большинство литераторов их знает (усвоив в ходе практической деятельности) и соблюдает. Для скандала нужны следующие основные условия: нарушение принятых в литературе норм; публичность этого нарушения, т.е. наличие наблюдателя, свидетеля; наличие публики, т.е. возможность довести до общества информацию о проступке. Проблематизировав норму и вызвав ответную реакцию, скандал укрепляет норму.

Ключевые слова: литературный скандал, литературная этика, нормы поведения литераторов.

Информация об авторе: Абрам Ильич Рейтблат, канд. пед. наук, «Новое литературное обозрение» / Российская государственная библиотека искусств, Москва, Россия. E-mail: reitblat@nlo.magazine.ru

Цитирование: *Рейтблат А.И.* К социологии литературного скандала // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 161–182. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-161-182

1. Значение термина «литературный скандал»

Термином «литературный скандал» в средствах массовой коммуникации пользуются очень широко. Набрал его в поисковике, можно получить массу ссылок в русскоязычном секторе интернета. Правда, в основном это ссылки на материалы, опубликованные не сейчас, а ряд лет назад (свои соображения о причинах этого я выскажу далее). Так, в 2009 г. одна из телепередач цикла «Апокриф» называлась «Литера-

турный скандал: причины и следствия», в 2011 г. на книжной ярмарке «Нон фикшн» прошел круглый стол «Литературные скандалы как двигатель прогресса»¹, в 2006–2012 гг. существовал даже livejournal некоего «Сообщества литературных скандалов» под названием «Литературные скандалы's Journal».

Но подавляющее большинство подобных публикаций — это газетные и журнальные заметки, а отнюдь не серьезные научные работы. Число книг и статей исследовательского характера на эту тему очень невелико, причем не только в России, но и за рубежом. Основное внимание уделяется политическим скандалам², можно найти обобщающие книги о скандалах в науке и спорте, а книг с анализом функций и механики литературного скандала нет. Особенно бедна работами о литературных скандалах отечественная наука. Содержательная книга Олега Проскурина «Литературные скандалы пушкинской эпохи» (М., 2000) не соответствует своему названию: почти все вошедшие в нее статьи посвящены острым журнальным полемикам того времени, в которых ничего скандального не было. Вышли ряд сборников и даже авторская монография, посвященные феномену скандала³, но собственно литературные скандалы там или не затрагиваются, или речь идет об отдельных скандалах. Кроме того, есть несколько статей, в которых рассмотрены конкретные скандалы, но сам феномен литературного скандала не анализируется⁴. Термина «литературный скандал» нет ни в «Краткой литературной энци-

¹ См.: Научите русских писателей скандалу! // Литературная Россия. 2011. № 49, 9 сент.

² См., например: Scandals in past and contemporary politics / Ed. by J. Garrard, J.L. Newell. Manchester, UK; N.Y., 2006; *Cockburn A.* A colossal wreck: a road trip through political scandal, corruption, and American culture. Brooklyn, N.Y., 2013; *Dewberry D.R.* The American political scandal: free speech, public discourse, and democracy. Lanham, Maryland, 2015; *Demirhan K., Çakır-Demirhan D.* Political scandal, corruption, and legitimacy in the age of social media. Hershey, Pennsylvania, 2017; Political scandal and American pop culture. N.Y., 2018; Skandale: Strukturen und Strategien öffentlicher Aufmerksamkeitserzeugung / Hrsg. K. Bulkow, Ch. Petersen. Wiesbaden, 2011.

³ См.: Семиотика скандала: [сб. ст.]. Париж; М., 2008; Скандал как форма коммуникации: Сб. науч. ст. М., 2012; Скандал: сферы воздействия: Сб. науч. ст. М., 2013; *Дмитриев А.В., Сычев А.А.* Скандал: социофилософские очерки. М., 2014.

⁴ См.: *Кобринский А.* «Литературная драка» как феномен литературно-художественного быта начала XX века (скандал 8 ноября 1913 года в «Бродячей собаке») // Русская культура в текстах, образах, знаках 1913 года. Киров, 2003. С. 46–53; *Степанов Б.Е.* Литературный скандал и политическое воображение: А. Проханов и его «Господин Гексоген» // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2008. № 3. С. 89–104; *Богомолов Н.А.* История одного литературного скандала // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 2000. С. 239–254; *Шабалина Н.Н.* Литературный скандал в критике В.П. Буренина // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Т. 154. № 2. С. 145–151; *Фельдман Д.М.* Грани скандала: «Повесть непогашенной луны» Б.А. Пильняка в газетно-журнальном контексте 1920-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Журналистика. Литературная критика». 2012. № 13 (93). С. 79–106, и др.

клопедии», ни в «Литературном энциклопедическом словаре» (1987), ни в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» (2001). В литературно-критическом словаре С. Чуприна «Русская литература сегодня: жизнь по понятиям» (М., 2007), не претендующем на научность, статья «Скандалы литературные» есть, но определения этого термина автор не дает. Таким образом, в реальной литературной жизни скандал — элемент если не повседневный, то достаточно привычный, а наука о литературе ни анализировать его, ни включать термин «скандал» в свой категориальный аппарат не стремится.

Академический словарь русского языка так определяет это слово: «1. Случай, происшествие, получившие широкую огласку и позорящие его участников. 2. Ссора, сопровождаемая криками, шумом, дракой и т.п.; дебош»⁵. Применительно к литературе могут использоваться оба значения, хотя чаще встречается первое.

Обычно литературный скандал рассматривается как явление дисфункциональное, лишь мешающее нормальному ходу литературной жизни. Например, В.А. Миловидов и А.С. Соловьева полагают, что «фактор скандальности [...] в высшей степени неблагоприятно сказывается на социуме и на личности»⁶. Нора Букс считает, что «современное определение феномена [скандала] можно свести к следующему: скандал — умышленное нарушение принятой системы значений или также заданная неприличность поведения или текста. [...] Скандал, как правило, стремится обеспечить собой системы». «Главная его цель — разрушение или хотя бы нарушение принятых в обществе норм или функционирующих ритуалов [...]»⁷. В лучшем случае отношение к скандалам амбивалентное. Так, А.В. Дмитриев и А.А. Сычев пишут, что «скандал выполняет двойственные функции в обществе. С одной стороны, он приковывает внимание публики к какому-нибудь сбою в социальной системе и тем самым способствует выработке мер по его ликвидации. [...] С другой стороны, если общество постоянно сотрясают скандалы, это свидетельствует о серьезных социальных проблемах. В больших количествах скандалы наносят серьезный ущерб репутации властей и снижают уровень доверия к существующим социальным институтам и практикам»⁸.

В своей статье я попытаюсь продемонстрировать, что скандалы — нормальный элемент литературной системы, выполняющий важную конструктивную стабилизирующую роль, которого нет в системе еще не

⁵ Словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984. Т. 4. С. 103.

⁶ Миловидов В.А., Соловьева А.С. Семиотика скандала // Критика и семиотика. 2006. № 10. С. 187.

⁷ Букс Н. Скандал как механизм культуры // Семиотика скандала. С. 8, 9.

⁸ Дмитриев А.В., Сычев А.А. Скандал: Социофилософские очерки. С. 50–51.

развитой или действующей в условиях жесткого политического контроля над средствами коммуникации.

2. Литературная этика

Но для начала отмечу, что наша работа выполнена в рамках социологии литературы. Это значит, что каждое событие в мире литературы, каждое действие литератора рассматривается не как нечто изолированное, самостоятельное, а как социальное взаимодействие, т.е. взаимодействие автора, публики, цензуры и других властных инстанций, критики, книгоиздателей и т.д.

Уже задумывая произведение, автор ориентируется на некоторого воображаемого читателя, который во многом зависит от читателя эмпирического: автор знает отклики на свои произведения знакомых, иногда «рядовых читателей»; знает читательские вкусы по тому, как раскупаются и воспринимаются произведения других авторов; знает требования формальной или неформальной цензуры (ср. нынешнюю ситуацию с ненормативной лексикой); знает запросы книгоиздателей, критиков и т.п. Он может или подлаживаться под них, или, напротив, провокативно идти против них. Так или иначе, читатель выступает со-творцом произведения.

Это же касается явлений литературного быта. Какое-либо действие литератора может быть совершено в узком дружеском кругу и не стать общественным событием, а может стать публичным и в этом случае меняет свое значение, в результате действий публики и прессы становясь общественно значимым поступком.

Попробуем же с этих позиций подойти к литературному скандалу.

В приведенных мной определениях скандала ничего не говорится о нарушении закона. И действительно, когда говорят о скандале, а тем более литературном, речь идет обычно о нарушении моральных, а не юридических норм (хотя дебош может быть квалифицирован и как хулиганство, т.е. нарушение закона, пусть и не очень серьезное). А.Г. Волинская справедливо отмечает, что «практики скандала происходят именно в ценностно-моральной сфере и придают значение общественным нормам, бытованию морали в обществе и ценностным понятиям вроде нормального и ненормального, дозволенного и недозволенного, правильного и неправильного»⁹. Весьма редко действия, которые расцениваются

⁹ Волинская А.Г. Скандал как субверсивная практика: препринт WP20/2014/01. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 9.

обществом как литературный скандал, влекут за собой судебные иски и процессы.

Мораль — это комплекс неписаных норм, регулирующих взаимоотношения людей. Есть моральные нормы, единые для какого-то общества, а есть такие, которые присущи определенному слою, определенной возрастной среде, определенному социальному институту. В этом смысле можно говорить и о литературной морали. Нередко в качестве синонима употребляют выражение «литературная этика». Слово «этика» лучше использовать для обозначения науки о морали, но поскольку выражение «литературная этика» стало привычным, буду пользоваться им в своей работе и я.

Сразу же отмечу, что речь далее пойдет главным образом о собственно литературном скандале, а не о скандале с участием литераторов. В первом случае речь идет о нарушении норм литературной морали, во втором — о нарушении литераторами общих моральных норм (например, в случае драки Куприна с Л. Андреевым 2 ноября 1911 г. на квартире актера Н.Н. Ходотова¹⁰ или в случае писателей-кошкодавов¹¹). Однако если в обществе начинают подчеркивать, что подобные поступки особенно нехороши для писателей, которые должны давать образец высокоморального поведения, то подобный скандал становится и литературным.

Литературная этика представляет собой комплекс норм, регулирующих социальное взаимодействие в сфере литературы как социального института (т.е. отношения писателей, издателей, книгопродавцев, читателей, критиков и журналистов, редакторов и т.д.). В основе его — представление о высокой социальной ценности литературы, важной ее миссии в обществе. Соответственно предполагается, что деятели института литературы, прежде всего авторы, должны вести себя порядочно и достойно.

Эти нормы направлены на то, чтобы участники процесса создания, тиражирования, распространения и восприятия литературных текстов взаимно уважали чужие права, в частности не обманывали и не оскорбляли друг друга, не клеветали, не заимствовали чужую собственность. Нормы эти неписанные и некодифицированные, тем не менее в нормальной литературной системе подавляющее большинство участников их знает (усвоив в ходе практической деятельности) и соблюдает.

¹⁰ См.: *Гарина Н.* Воспоминания о Леониде Андрееве / Публ. Л.Н. Ивановой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 427–429.

¹¹ См.: *Литературное наследство.* Т. 95. М., 1988. С. 117; *Белый А.* Между двух революций. М., 1990. С. 176.

Литературная этика возникает не одновременно с возникновением института литературы¹², она складывается в ходе его становления, дифференциации и усложнения, с одной стороны, и формирования тесных связей между его элементами, с другой.

Важнейшей предпосылкой существования и эффективного функционирования литературной этики является наличие публики, к которой можно апеллировать в случае нарушения соответствующих норм, и прессы (газет, журналов, позднее — радио, телевидения, интернета), с помощью которых можно информировать о случаях нарушения литературных норм.

Другой важной предпосылкой является наличие представления о важности личности автора и о его праве (в том числе юридическом) на свои тексты. На ранних стадиях развития литературы личность автора текста не была важна, автор говорил от лица некоей божественной истины или, позднее, образованного сообщества, поэтому многие тексты циркулировали без обозначения автора. В России даже в конце XVIII — первой половине XIX вв. значительная часть прозаических и стихотворных произведений печаталась в журналах и даже отдельными книгами анонимно или под псевдонимами. Но постепенно (особенно важен был в этом плане этап романтизма, придававшего огромное значение авторской субъективности) формируется представление о важности автора текста, в том числе его биографии и литературной репутации; вычлняется корпус образцовых авторов¹³. Соответственно, растет внимание к поведению писателей как в литературе, так и в жизни. Формируются представления о литературной этике, что создает почву для возникновения скандалов в случае ее нарушения. Важную роль в осуществлении контроля за поведением писателей играют в России со второй половины XIX в. профессиональные объединения писателей: Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд; 1859–1922), Общество деятелей периодической печати и литературы (1907–1918), Санкт-Петербургское литературное общество (1907–1911), Всероссийское литературное общество (1912–1914) и др.¹⁴

Теперь рассмотрим, какие нормы входят в понятие литературной этики.

¹² О нем см.: *Гудков Л.Д., Дубин Б.В.* Литература как социальный институт. М., 1994.

¹³ См. нашу статью «Кто, как, когда и зачем сделал русскую классику» (в печати).

¹⁴ См. о них: *Шрубба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917. М., 2004. С. 40–41, 143–147, 192–195.

Отношение авторов к обществу. Публикуя свои произведения, автор вступает в диалог с публикой. В ходе формирования института литературы возник ряд конвенций, негласных договоренностей, которые регулируют подобную коммуникацию.

Во-первых, существует конвенция осмысленности. Подразумевается, что автор предлагает для прочтения текст, имеющий смысл. Публикация бессмысленного набора слов или даже букв нарушает данную конвенцию и может быть воспринята читателем как насмешка или даже издевательство над ним. Так относились многие читатели к «Дыл бур щыл» А.Е. Крученых и к «Заклятию смехом», «Кузнечнику» В. Хлебникова.

Во-вторых, в публикуемых текстах нельзя нарушать общие базовые нормы: оскорблять религиозные чувства, чувство патриотизма, выходить за рамки дозволенного (во время публикации текста) в описании сексуальных отношений (как это происходило, например, в «Госпоже Бовари» Г. Флобера, «Санине» М.П. Арцыбашева, «Лолите» В. Набокова и романах Г. Миллера), физиологических отправлениях, насилия.

Кроме того, в-третьих, считается недопустимым брать в качестве прототипов и «выводить» в своих произведениях в негативном виде реальных лиц, являющихся современниками (например, в выпущенной анонимно книге К.Н. Лебедева «О Царе Горохе» (1834) были выведены Н.А. Полевой, О.И. Сенковский, Ф.В. Булгарин, П.А. Вяземский; в романе Н.С. Лескова «Некуда» (1864) изображены А.И. Левитов, В.А. Слепцов, Евгения Тур; в романе И.И. Ясинского «Лицемеры» (1893) выведен Лесков, и т.д.), или конкретные современные учреждения (научные институты, заводы, школы, спортивные команды, редакции журналов и т.д.). Вот, например, что писал о подобных произведениях П.И. Вейнберг в статье с выразительным названием «Литература скандалов»: «Это совсем не сочинения. Это то, что, пока не напечатано, называется слухами, новостями, сплетнями. Напечатанное, оно имеет свое место и значение в другой литературе — литературе скандалов. [...] в этой литературе не требуется творчества, потому что берется голый факт, как его дает жизнь; факт этот иногда передается верно, иногда искажается, в угоду своему взгляду, своему интересу и желанию произвести эффект в публике. Факт может быть очень глуп, но лицо, о котором идет речь, всем известно, и писатель рассчитывает поэтому на успех. Следовательно, в этом роде литературы не нужен даже ум, который требуется на то, чтоб написать простое письмо: нужна некоторая злость и знание всех вестей и слухов»¹⁵. Столь же предосудительным считается изображать в негативном виде покойных деятелей, являющихся национальными героями и предметом почита-

¹⁵ *Непризнанный поэт [Вейнберг П.И.]*. Литература скандалов // Отечественные записки. 1960. № 10. Пар. 3. С. 36–37.

ния; в качестве примера назову выпущенную М. Армалинским книгу «А.С. Пушкин. Тайные записки. 1836–1837» (1986).

Вопросы, связанные с авторством. Со становлением литературной системы формируется понятие об авторском праве, т.е. о праве автора распоряжаться своими текстами и недопустимости другим лицам публиковать, перепечатывать или изменять их без его разрешения. Подобное право закрепляется юридически (в России — в Положении о правах сочинителей 1828 г.), но помимо правовой ответственности человек, осуществивший контрафакцию, подвергается и моральному осуждению (как «литературный вор»).

Спорным долгое время оставался вопрос об этичности публикации частной переписки литераторов. И.А. Гончаров, например, написал статью «Нарушение воли» (1889), в которой яростно протестовал против подобных публикаций¹⁶.

Но автору принадлежат не только его тексты, но и его литературное имя, т.е. то, как он подписывает свои тексты (это может быть и псевдоним). Оно должно воспроизводиться в печати в той форме, как его пишет автор. Например, И. Грекова и Р. Облонская протестовали против расшифровки инициала¹⁷.

Кроме того, считается недопустимым приписывать свои сочинения авторству другого человека (чаще всего это происходит с классиками¹⁸). Например, Е.И. Вашков опубликовал подделки стихотворений А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова и В.В. Маяковского¹⁹.

Но не только в этом выражается принадлежность литературного имени автору. Действующие в литературе лица не должны использовать его даже под своими оригинальными произведениями, если имя и фамилия у них тождественны имени и фамилии уже публикующегося литератора; вступив в литературу позднее, они должны взять псевдоним или добавить к своей фамилии какой-нибудь дополнительный элемент, например указание на место своего происхождения (так поступили В.А. Иванов-Тоганский, В.А. Иванов-Тверской, С.И. Иванов-Волгарь и др.). В качестве скандала, вызванного нарушением этой нормы, упомянем случай, когда Н.С. Лескову не понравилось, что этнограф и прозаик Николай Феофилактович Лесков стал в журнале «Истори-

¹⁶ О проблеме посмертной публикации переписки см.: *Правилова Е.* Наследники, эксперты и проблема «авторской воли». URL: <http://gefter.ru/archive/15044> (дата обращения: 08.07.2019).

¹⁷ См.: *Кузьмин Д.* Угловатая роза и трудности ее прочтения // Новое литературное обозрение. 2002. № 55. С. 305–306.

¹⁸ См.: *Ефремов П.А.* Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях. СПб., 1903; *Дубровский А.В.* Стихотворная псевдопушкиниана: (Исследование текстов, приписываемых А.С. Пушкину). Автореф. дис. [...] канд. филол. наук. СПб., 2007.

¹⁹ См.: *Русские писатели 1800–1917: Биограф. словарь.* Т. 1: А–Г. М., 1989. С. 399.

ческий вестник», в котором часто печатался Н.С. Лесков, подписывать свои публикации «Н. Лесков». Н.С. Лесков поместил в газете заметку по этому поводу, ему ответил редактор «Исторического вестника», что породило обсуждение этого вопроса в прессе и литературных кругах²⁰.

Если автор использует псевдоним, считается недопустимым, пока он жив, раскрывать этот псевдоним без его разрешения.

Принадлежат автору и его герои. Если другой литератор вставит их в свои произведения или, тем более, решит продолжать его произведения (как это сделали Д.П. Зуев, опубликовавший окончание «Русалки» Пушкина (1897), А.Е. Ващенко-Захарченко в книге «Мертвые души». Окончание поэмы Н.В. Гоголя «Похождения Чичикова»» (1857) и И.П. Рапоф, выпустивший «продолжения» «Ключей счастья» А.А. Вербицкой, «Санина» М.П. Арцыбашева и «Ямы» А.И. Куприна), это может вызвать скандал.

Взаимоотношения между авторами тоже регулируются литературной этикой. Нельзя оскорблять других авторов, осуществлять по отношению к ним нетактичные действия, вторгаться в их личную жизнь, неверно цитировать или приписывать другому автору мысли и выводы, которых у него нет. Не принято публиковать негативные некрологи (публикация подобных текстов — чрезвычайно редкое явление; в русской литературе я могу назвать в качестве примера только два памфлетных текста, напечатанных после смерти О.И. Сенковского²¹). Нельзя заниматься саморекламой и т.п.

Взаимоотношения авторов с издателями. Авторы должны в срок предоставлять издателям обещанные тексты, особенно кончать произведения, которые начаты публикацией с завершением в последующих номерах. Во второй половине XIX в. публикация романа растягивалась на год и более, причем нередко журнал начинал печатать незавершенное произведение, а автор надолго прерывал публикацию, что порождало недовольство читателей, которые обращались с упреками к издателю журнала. Случалось, что автору приходилось публиковать письмо с пояснением, что вина лежит на нем. Издатели же должны печатать принятые произведения в срок, точно расплачиваться с авторами и т.д. Характерным примером того, как и автор, и издатель не соблюдали свои обязательства, является публикация «Анны Карениной» в журнале «Русский вестник» (1875. № 1–4; 1876. № 1–12; 1877. № 1–4). Как

²⁰ См.: Лесков в воспоминаниях современников. М., 2018. С. 643–644, 706 (примеч. Л.И. Соболева).

²¹ См.: Дудышкин С. Сенковский — дилетант русской словесности // Отечественные записки. 1859. № 2. Отд. I. С. 451–458; Лонгинов М. Сенковский — журналист и повествователь // Русский вестник. 1859. Июль. Кн. 1. Современная летопись. С. 17–26.

видим, Толстой прервал публикацию романа на восемь месяцев, за что извинялся в журнале перед читателями. Со своей стороны, редактор журнала М.Н. Катков, подходивший к литературным произведениям с жесткими идеологическими требованиями, отказался печатать последнюю часть романа, после чего Толстой разорвал с ним отношения. Катков, добавим, при публикации романа Достоевского «Бесы» в том же «Русском вестнике» опустил главу «У Тихона».

Отношение авторов к читателям. Следует уважительно обращаться к читателям, не оскорблять их при встречах и в прессе, в том числе и представителей читательской публики: интервьюеров, критиков и т.д. Так, грубые слова М. Горького, обращенные к зрителям 28 октября 1900 г. в фойе Московского художественного театра, вызвали скандал и обсуждение в прессе²².

Всё, что я перечислил, — это общелитературные нормы, но бывают еще нормы групповые. Например, во второй половине XIX — начале XX вв. считалось, что нельзя печататься в журналах и газетах противоположного направления. Когда выяснилось, что В.В. Розанов одновременно печатается в либеральной газете «Русское слово» и в считавшемся реакционным «Новом времени», это вызвало большой скандал. После публикации в 1910 г. статьи П.Б. Струве «Большой писатель с органическим пороком»²³ ряд литераторов порвал отношения с Розановым²⁴. Существовал и негласный запрет на критику почитаемых представителей своего лагеря. Так, печатавшиеся в «Северном вестнике» в 1890–1895 гг. и объединенные в его книге «Русские критики» (СПб., 1896) статьи либерального литератора А.Л. Волынского, в которых были подвергнуты критике эстетические взгляды Добролюбова, Чернышевского и Писарева, вызвали скандал в либерально-демократическом лагере.

3. Механизм литературного скандала

Теперь проанализируем, как возникает, развивается и завершается литературный скандал. В качестве примера рассмотрим скандал,

²² См., например: Пэк [Ашкинази В.А.] Кстати // Новости дня. 1900. № 6268, 1 нояб.; Дорошевич В. Таланты и поклонники // Россия. 1900. № 560, 14 нояб.; Рок [Ракианин Н.О.] Из Москвы. Очерки и снимки // Новости. 1900. № 327, 25 нояб., и др. Объяснения Горького см. в его открытом письме по этому поводу, опубликованном в газете «Северный курьер» 18 ноября 1900 г. Подробнее см.: Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 9. М., 1980. С. 422–424 (примеч. А.М. Малаховой).

²³ Русская мысль. 1910. № 11. С. 132–146.

²⁴ См.: Измайлов А.А. Переписка с современниками / Сост., предисл., подгот. текстов и примеч. А.С. Александрова и др. СПб., 2017. С. 445.

произошедший в 1861 г. с журналом «Век». Это был еженедельный либеральный журнал, имевший довольно широкую известность. Там был опубликован фельетон, в котором упоминавшийся выше П.И. Вейнберг, подписавшийся псевдонимом Камень Виногоров, саркастически повествовал о том, как в Перми на музыкально-литературном вечере жена статского советника Е. Толмачева прочла стихи из «Египетских ночей» Пушкина, где речь идет о Клеопатре и ее любовниках, и как отнеслась к этому газета «Санкт-Петербургские ведомости». В частности, он писал: «Русская дама, статская советница, явилась перед публикой в виде Клеопатры, произнесла предложение “купить ценою жизни ночь ее”, и как произнесла! К вам, мои прекрасные читательницы, обращаюсь я, к вам взываю! Долой всякую стыдливость, долой женственность, долой светские приличия — вас приглашает к этому г-жа Толмачева и почтенный панегирист ее, возгласивший миру о невероятном событии устами “Петербургских ведомостей”». Через неделю в распространенной либеральной газете «Санкт-Петербургские ведомости» была помещена статья известного литератора М.И. Михайлова, ранее нередко выступавшего со статьями о важности эмансипации женщин, в которой автор фельетона и журнал «Век» обвинялись в том, что сегодня назвали бы мужским шовинизмом. Михайлов писал, что слова автора фельетона «свидетельствуют о совершенном отсутствии в нем всякого нравственного чувства, всякого сознания обязанностей относительно общества, в котором он живет, всякого уважения к человеческому достоинству и в себе самом, и в других, и суд общественного мнения должен навсегда заклеить его. [...] Нет человека с живым сердцем в груди, который, зная настоящие общественные условия и положение женщин, решился бы публично оскорблять женщину и выдавать ее на посмеяние и обиды глупцам и невеждам. И за что же? За то, что она смело заявила свое пренебрежение к невежественным предрассудкам»²⁵. И хотя и редакция журнала «Век», и автор фельетона публично оправдывались, но и в газетах, и в сатирическом журнале «Искра» появилась масса публикаций, в которых фельетон Вейнберга квалифицировали как безобразный поступок. Всё это привело к тому, что на следующий год подписка на журнал резко упала и он закрылся²⁶, а Вейнбергу в поисках заработка пришлось поступить на государственную службу.

²⁵ Михайлов М. Безобразный поступок «Века» // Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 51, 3 марта.

²⁶ См.: Вейнберг П.И. Безобразный поступок «Века» (Из моих литературных воспоминаний) // Исторический вестник. 1900. № 5. С. 472–489. Цит. по этому источнику.

Что мы видим в данном случае? Сначала литератор в своей публикации нарушил этическую норму. Это могло произойти или от незнания нормы, или по оплошности, необдуманно, или намеренно. Поскольку информацию об этом опубликовало распространенное печатное издание, она широко распространилась. Если бы подобное нарушение литературной этики произошло в беседе, в кулуарной обстановке и осталось известным очень узкому кругу лиц, то говорить о наличии литературного скандала было бы нельзя. Но тут другой литератор публично сообщает о проступке и осуждает его, а затем его публично поддерживают другие. В результате действия нарушителя получают общественную оценку (осуждение), что служит укреплению нормы и предостерегает других от нарушения ее. Иногда этим всё и ограничивается, а иногда, в случае очень серьезного проступка, «нарушителя» изгоняют из литературы: перестают печатать, приглашать, здороваться и т.д. Таким образом, скандал выводит на свет скрытые проступки и пороки. Проблематизировав норму, поставив ее под вопрос и вызвав ответную реакцию, скандал укрепляет норму. При этом необходимо, чтобы «нарушитель» обладал хотя бы некоторой известностью. Если этот человек мало кому знаком, то его поступок особо не взволнует публику. Кроме того, повод для скандала должен быть неожиданным. Если этот человек нередко поступает подобным образом, то новый такой поступок не вызывает резонанса. Отметим также, что обычно в случае скандала значимость проступка преувеличивают.

Итак, для скандала нужны следующие основные условия: 1) нарушение принятых в литературе норм; 2) публичность этого нарушения (т.е. наличие наблюдателя, свидетеля); 3) наличие публики, т.е. возможность довести до общества информацию о проступке. Существование публики — важнейшая предпосылка возникновения и функционирования скандала. Можно согласиться с А.В. Дмитриевым и А.А. Сычевым, которые отмечают, что «именно публичная сфера является важнейшей предпосылкой существования скандала: он может полностью реализовать свой преобразовательный потенциал только в рамках демократического государственного устройства и развитого гражданского общества»²⁷.

В России далеко не всегда существовали эти условия. При наличии предварительной цензуры подобные нарушения пресекались на стадии рукописи и не попадали в печать. Даже если что-то по недосмотру цензо-

²⁷ Дмитриев А.В., Сычев А.А. Указ. соч. С. 173. Правда, авторы весьма непоследовательны. У них можно встретить утверждение, что «скандал возник вместе с обществом и всегда сопровождал историю человечества. Первым скандалом можно считать изгнание Адама и Евы из рая» (Там же. С. 49). Интересно, кто тогда составлял публику? Творец мира и Змей-искуситель?

ра и печаталось, информацию об этом цензура не позволяла публиковать, и только в редких случаях публика узнавала об этом из слухов.

Это вполне закономерно. Ведь в самодержавном государстве скандалов не должно было быть. Скандал показывал бы, что в стране есть сферы, не контролируемые властью, и мог вывести наружу проступки самой власти. Поэтому лишь в редких случаях, когда имели место ошибки цензуры или вольные толкования опубликованных текстов, случалось нечто похожее на скандал. Но публичного резонанса эти случаи не вызывали. Напомню о двух таких случаях. Первый — публикация «Философического письма» Чаадаева в «Телескопе» в 1836 г., после чего журнал был закрыт, а Чаадаев по воле Николая I объявлен сумасшедшим. Менее известен второй случай. В 1846 г. в газете «Северная пчела» была анонимно опубликована баллада Е. Ростопчиной «Насильный брак». В балладе Николай I и Польша были представлены как старый барон и сетующая на его притеснения молодая жена. Через несколько недель власти поняли подлинный смысл стихотворения, и у редакторов газеты Н. Греча и Ф. Булгарина были крупные неприятности (Греч, в частности, был вызван в III отделение). Номер со стихами передавали из рук в руки, балладу переписывали, но это затронуло только элитные слои столиц, а подавляющее большинство читателей газеты, не говоря уже о более широких слоях населения, об этом не узнало, и полноценного скандала не случилось²⁸.

В указанных случаях текст был опубликован и имел, к тому же, политические обертона. В случае же чисто литературных происшествий имели место только микроскандалы, поскольку они носили кружковый характер и не имели резонанса в прессе.

Вот характерный пример. Когда в 1812 г. графа Хвостова, имевшего репутацию графомана, избирали в члены Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, Д.В. Дашков произнес якобы похвальную, а на деле издевательскую речь. В частности, он сказал следующее: «Нынешний день пребудет всегда незабвенным в летописях нашего общества: ныне в первый раз восседает с нами краса и честь российского Парнаса, счастливейший любимец Аонид и Феба, гений единственный по быстрому своему парению и по разнообразию тьмочисленных произведений. [...] Он вознесся превыше Пиндара, унизил Горация, посрамил Лафонтена, победил Мольера, уничтожил Расина. [...] Всей Европе, что

²⁸ История публикации баллады и ее последствия освещены в статьях: Киселев В.С. Поэтесса и царь (Страница истории русской поэзии 40-х годов) // Русская литература. 1965. № 1. С. 144–156; Киселев-Сергенин В.С. По старому следу (О балладе Е. Ростопчиной «Насильный брак») // Русская литература. 1995. № 3. С. 137–152.

говорю я, всей вселенной известны его заслуги [...]»²⁹. За это Дашкова исключили из общества, но на его репутацию в свете и в литературе и на его карьере это никак не повлияло, впоследствии он даже стал министром юстиции.

Вот другой случай. В 1847 г. в Санкт-Петербургском университете по случаю завершения учебного года должна была быть зачитана прощальная диссертация профессора О.И. Сенковского «О древности имени руссов». На акте было много известных лиц, в том числе министр народного просвещения князь Ширинский-Шихматов, попечитель учебного округа, члены Академии наук, известные писатели и ученые. Вместо Сенковского, который якобы был болен и отсутствовал, текст объявленной работы прочел его адъюнкт. В диссертации говорилось, что «славянская нация, и во главе ее русское племя, есть первенствующее между народами, как самое древнее; что вся Европа и большая часть Азии в отдаленной древности была скифская, главное же из племен скифских есть славяне, у древних прозванные *скифами-хвастунами* потому, что с незапамятных времен привыкли превозносить и славить сами себя. Что касается собственно имени русского, то, по словам автора, рукописи, заключающие самые убедительные доводы древности этого имени, находятся в Испании и заперты в одной башне известного мавританского дворца, *Альямбры*, куда автор и посылает желающих проверить его сказание (!)»³⁰. Во время чтения диссертации в зале стоял смех. Все почетные гости покинули акт до его завершения, но в печати упоминаний об этом не было, для Сенковского эта эскапада последствий не имела, и скандал опять-таки не случился.

Предпосылкой появления скандалов служат развитие прессы и ослабление цензурного контроля над ней. В Николаевскую эпоху в стране выходило всего лишь несколько газет и журналов, в которых освещалась литературная жизнь, причем они находились под жестким цензурным контролем. Конечно, не следует забывать такой канал распространения информации, как слухи. Характер их функционирования и масштаб действия в России в XIX — начале XX вв. исследованы очень плохо, причем изучались главным образом слухи политического характера³¹. На наш

²⁹ Д.В. Дашков и граф Хвостов в Обществе любителей словесности, наук и художеств в 1812 г. / Сообщил Н.С. Тихонравов // Русская старина. 1884. № 7. С. 106.

³⁰ *Пржецлавский* О.А. Калейдоскоп воспоминаний // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века / Сост., предисл., подгот. текста воспоминаний О.А. Пржецлавского и коммент. А.И. Федуты. М., 2010. С. 155.

³¹ См., например: *Побережников И.В.* Слухи в социальной истории: типология и функции (по материалам восточных регионов России XVIII–XIX вв.). Екатеринбург, 1995; *Колоницкий Б.И.* Слухи об императрице Александре Федоровне

взгляд, игнорировать слухи нельзя, но нельзя и преувеличивать степень их распространения в первой половине XIX в. Они охватывали светское общество и научно-литературную среду, высшие слои чиновничества, причем только в столицах и в какой-то степени в немногочисленных в то время университетских городах. До большей части читательской аудитории они не доходили.

Ситуация изменилась лишь в конце 1850-х гг. И сразу же в большом числе стали возникать скандалы. Характерно выразительное программное стихотворение В.С. Курочкина «Литературный скандал» (1861), в котором воспевался скандал как форма социальной критики:

[...] Друзья мои, господь свидетель:
Одну любовь и добродетель,
Одни высокие мечты,
Из лучших в наилучшем мире,
Я б воспевал на скромной лире,
Не тронув праха суеты;

«Лизета чудо в белом свете!» —
Всю жизнь я пел бы в триолете;
Когда же злость ее узнал
(Не Лизы злость, а жизни злобу), —
Прищелкнув языком по нёбу,
Друзья мои, пою *Скандал!* [...]

Хвала, хвала тебе, Скандал!
За то, что ты перепугал
Дремавших долго сном блаженным, —
И тех, кто на руку нечист,
И тех, кому полезен свист,
Особам якобы почтенным. [...]

Хвала, хвала тебе, Скандал!
С тех пор как ты в печать попал,
С чутьем добра, с змеиным жалом,
Ты стал общественной грозой,
Волной морской, мирской молвой
И перестал уж быть Скандалом. [...]

Хвала, хвала тебе, Скандал!
Твоя волна — девятый вал —
Пусть хлынет в мир литературы!
Пусть суждено увидеть нам
Скандал свободных эпиграмм
И ясной всем карикатуры!³²

Скандал с журналом «Век» был описан выше. Вот еще один пример. В 1862 г. в Петербурге произошел очень сильный пожар, и в народе стали циркулировать слухи, что его устроили студенты. Н.С. Лесков в либеральной газете «Северная пчела» поместил статью, в которой требовал, чтобы власти или представили доказательства участия студентов в поджогах, или опровергли клевету на них. Однако многие трактовали статью как обвинение в адрес студентов. Лесков не раз пытался прояснить свою позицию и отвергал обвинения, но всё безрезультатно. В прессе было немало откликов, в разговорах выдвигалось предположение, что Лесков — сотрудник III отделения. Не выдержав травли, Лесков уехал за границу и несколько месяцев находился там. После возвращения он продолжил литературную деятельность, но его репутация была уже испорчена. Как видим, случается и так, что исходная информация неверна, но механизм скандала всё равно срабатывает и, таким образом (пусть и несправедливо ломая человеческую судьбу), укрепляет этическую норму.

Но подобные скандалы имеют описанные последствия только в случае существования довольно жестких этических норм. Иной становится ситуация, если обязательность этических норм снижается, к тому же они дифференцируются и временами даже становятся противоположными у различных социокультурных групп (возрастных, классовых, профессиональных и т.д.): то, что резко осуждается в одной, становится допустимым или даже оцениваемым положительно в другой. В подобной ситуации безвременья, перехода скандал может быть использован не для укрепления нормы, а для дальнейшего ее расшатывания и подрыва. Тогда, проблематизировав норму, показав ее условность и невсеобщность, скандал дает возможность укрепиться другой моральной нормой.

Один из активных участников сатирической журналистики 1860-х гг., критик и пародист В.П. Буренин в последней четверти XIX и в начале XX вв. своими еженедельными литературно-критическими фельетонами в газете «Новое время» нередко вызывал скандал, преследуя при этом в основном цели автопиара и борьбы с неугодными ему литературными деятелями, в частности с модернистами. Но по иронии судьбы модер-

³² Искра. 1861. № 4. С. 45–46; цит. по: Поэты «Искры». Л., 1955. Т. 1. С. 166–168.

нисты заимствовали у него это средство и начали использовать скандал для привлечения к себе внимания и пропаганды новых эстетических и этических норм.

Первыми были символисты, особенно В.Я. Брюсов. 4 марта 1893 г. он записал в дневнике: «Талант, даже гений, честно дадут только медленный успех, если дадут его. Это мало! Мне мало! Надо выбрать иное... Найти путеводную звезду в тумане. И я вижу ее: это декадентство. Да! Что ни говорить, ложно ли оно, смешно ли, но оно идет вперед, развивается, и будущее будет принадлежать ему, особенно когда оно найдет достойного вождя. А этим вождем буду Я! Да, Я!»³³ В 1894–1895 гг. он выпустил три тонкие брошюры под заглавием «Русские символисты», содержащие немало эпатажирующих читателей текстов. На выход этих книжечек откликнулись почти все распространенные газеты и журналы. Н.К. Гудзий писал: «Цель Брюсова была достигнута. Своим шумным выступлением он во всеуслышание заявил о том, что пришло новое поэтическое направление. Обильные нападки критиков лишь усилили позицию смелых новаторов, создав им известность и своеобразную популярность. Когда это было достигнуто, и голос был услышан, наступила пора вдумчивой работы и серьезного труда. Символисты победили и преодолели инертность читательских вкусов. Символизм был широко признан, и три тощих московских сборника в этом признании сыграли бесспорную историческую роль»³⁴.

Сознательно шли на провокацию публики лишь немногие символисты. Но наследовавшие им футуристы (Маяковский, Давид Бурлюк и др.) специально устраивали скандалы. Они не только предлагали другой идеал красоты, воспевая город, индустрию, безобразное и т.д., не только программно отвергали классику, призывая «бросить ее с парохода современности», но и скандально вели себя, используя эпатажную одежду и раскраску лица, грубость по отношению к публике; характерно название одного из их сборников — «Пошечина общественному вкусу» (1912).

В модернистской среде скандал часто разыгрывался сознательно для подрыва господствующей нормы, а порой и для самораскрутки³⁵. Но это не значит, что скандал в старом понимании слова в литературной

³³ Брюсов В.Я. Дневники 1891–1910 / Пригот. к печ. И.М. Брюсова. М., 1927. С. 12.

³⁴ Гудзий Н.К. Из истории раннего русского символизма. Московские сборники «Русские символисты» // Искусство. 1927. Кн. 4. С. 218.

³⁵ Исходя из такой трактовки скандала, Вероника Зусева пишет: «...очевидным спутником успеха почти всегда оказывается сочетание скандала, нарушения общепринятых норм и в жизни, и в творчестве, с одной стороны, и публичного одобрения литературными и общественными авторитетами, с другой (можно и только скандал, но успех предприятия будет меньше и есть опасность превратиться

среде совсем исчез (таковым был, например, случай, связанный с порчей Эллисом книг в Румянцевском музее в 1909 г.³⁶).

В советский период литературные скандалы возникали только на ранней стадии, когда еще существовала (впрочем, весьма относительная) свобода печати и когда выходило немало эмигрантских периодических изданий, пристально следивших за российской литературной жизнью. Так было с публикацией «Повести непогашенной луны» (1926) Б. Пильняка, в которой изложена история смерти Фрунзе, выведенного под другим именем. Публикация повести была признана политической ошибкой, номер «Нового мира» с ней не был выпущен в свет, и при его перепечатке повесть была заменена другим материалом³⁷.

В более поздний период (1930-е — первая половина 1980-х) из-за жесткой цензуры почвы для возникновения литературных скандалов почти не было. Поскольку действовали тамиздат, самиздат и западные «голоса», скандалы время от времени случались, но их порождали действия не столько литераторов, сколько самой власти. В ситуации всеобщих запретов любое действие, само по себе не противоречащее законам и не скандальное (публикация за рубежом, получение Нобелевской премии, написание романа), вызывало неадекватную реакцию властей, которые сами информировали публику (правда, тенденциозно освещая произошедшее). В результате возникал скандал.

С «эпохой гласности» (в конце 1980-х) вновь наступило время скандалов. Но позднее произошло резкое падение престижа литературы. В результате не только уменьшилась доля населения, читающего книги. Книга теперь перестала быть «учебником жизни», а литература — пророком и учителем. Поэтому интерес к писателям стал существенно ниже, и происходящее в литературной жизни интересует преимущественно литераторов, а не широкие слои публики. Разумеется, в такой атмосфере не может возникнуть настоящий скандал.

в маргинала)» (Зусева В. Шум времени и шумная известность // Арион. 2018. № 2. С. 20).

³⁶ См.: Глуховская Е.А. Инцидент с Эллисом в контексте русского символизма: к истории одного (около)литературного скандала // Русская литература. 2012. № 1. С. 137–148.

³⁷ См.: Фельдман Д.М. Грани скандала...

Литература

Богомолов Н.А. История одного литературного скандала // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 239–254.

Букс Н. Скандал как механизм культуры // Семиотика скандала. Париж; М.: Европа, 2008. С. 6–12.

Гарина Н. Воспоминания о Леониде Андрееве / Публ. Л.Н. Ивановой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2000 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 413–447.

Глуховская Е.А. Инцидент с Эллисом в контексте русского символизма: к истории одного (около)литературного скандала // Русская литература. 2012. № 1. С. 137–148.

Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Литература как социальный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1994. 352 с.

Дмитриев А.В., Сычев А.А. Скандал: социофилософские очерки. М.: ЦСП и М, 2014. 323 с.

Зусева В. Шум времени и шумная известность // Арион. 2018. № 2. С. 18–26.

Измайлов А.А. Переписка с современниками / Сост., предисл., подгот. текстов и примеч. А.С. Александрова, Э.К. Александровой, Н.Ю. Грякаловой. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. 738 с.

Киселев В.С. Поэтесса и царь (Страница истории русской поэзии 40-х годов) // Русская литература. 1965. № 1. С. 144–156.

Киселев-Сергенин В.С. По старому следу (О балладе Е. Ростопчиной «Насильный брак») // Русская литература. 1995. № 3. С. 137–152.

Кобринский А. «Литературная драка» как феномен литературно-художественного быта начала XX века (скандал 8 ноября 1913 года в «Бродячей собаке») // Русская культура в текстах, образах, знаках 1913 года: Материалы межрегионального научно-теоретического семинара «Культурологические штудии». Киров: ВятГУ, 2003. С. 46–53.

Колоницкий Б.И. Слухи об императрице Александре Федоровне и массовая культура (1914–1917) // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 1. М.: Собрание; Наука, 2005. С. 362–378.

Литературное наследство. Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. М.: Наука, 1988. 1079 с.

Миловидов В.А., Соловьева А.С. Семиотика скандала // Критика и семиотика. 2006. № 10. С. 186–191.

Правилова Е. Наследники, эксперты и проблема «авторской воли». URL: <http://gefter.ru/archive/15044> (дата обращения: 08.07.2019).

Пржецлавский О.А. Калейдоскоп воспоминаний // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века / Сост., предисл., подгот. текста воспоминаний О.А. Пржецлавского и коммент. А.И. Федуты. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 29–475.

Рейтблат А.И. Кто, как, когда и зачем сделал русскую классику (в печати).

Скандал как форма коммуникации: Сб. науч. ст. М.: Изд-во СГУ, 2012. 247 с.

Скандал: сферы воздействия: Сб. науч. ст. М.: Изд-во СГУ, 2013. 241 с.

Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории: Сб. ст. Челябинск: Каменный пояс, 2011. 362 с.

Степанов Б.Е. Литературный скандал и политическое воображение: А. Проханов и его «Господин Гексоген» // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2008. № 3. С. 89–104.

Фельдман Д.М. Грани скандала: «Повесть непогашенной луны» Б.А. Пильняка в газетно-журнальном контексте 1920-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Журналистика. Литературная критика». 2012. № 13 (93). С. 79–106.

Шабалина Н.Н. Литературный скандал в критике В.П. Буренина // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Т. 154. № 2. С. 145–151.

References

Bogomolov N.A. Istoriia odnogo literaturnogo skandala [The history of a literary scandal]. Bogomolov N.A. *Russkaia literatura nachala XX veka i okkul'tizm* [Russian literature of the early 20th century and occultism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000, pp. 239–254. (In Russ.)

Buks N. Skandal kak mekhanizm kul'tury [Scandal as a cultural mechanism]. *Semiotika skandala* [Semiotics of scandal]. Paris, Moscow, Evropa Publ., 2008, pp. 6–12. (In Russ.)

Dmitriev A.V., Sychev A.A. *Skandal: sotsiofilosofskie ocherki* [Scandal: sociological and philosophical essays]. Moscow, TsSP i M Publ., 2014. 323 p. (In Russ.)

Fel'dman D.M. Grani skandala: «Povest' nepogashennoi lunny» B.A. Pil'niaka v gazetno-zhurnal'nom kontekste 1920-kh gg. [Facets of scandal: “The Tale of the Unextinguished Moon” by B.A. Pilnyak in the newspaper and magazine context of the 1920s]. *Vestnik RGGU. Seriiia “Filologicheskie nauki. Zhurnalistika. Literaturnaia kritika”*, 2012, no. 13 (93), pp. 79–106. (In Russ.)

Garina N. Vospominaniia o Leonide Andreeve [Memoirs of Leonid Andreev], publ. L.N. Ivanova. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 2000 god* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 2000]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2004, pp. 413–447. (In Russ.)

Glukhovskaia E.A. Intsident s Ellisom v kontekste russkogo simvolizma: k istorii odnogo (okolo)literaturnogo skandala [The incident with Ellis in the context of Russian symbolism: on the history of a (pseudo)literary scandal]. *Russkaia literatura*, 2012, no. 1, pp. 137–148. (In Russ.)

Gudkov L.D., Dubin B.V. *Literatura kak sotsial'nyi institut* [Literature as a social institution]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1994. 352 p. (In Russ.)

Izmailov A.A. *Perepiska s sovremennikami* [Correspondence with contemporaries], comp., intro., ed. and notes A.S. Aleksandrov, E.K. Aleksandrova, N.Iu. Griakalova. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2017. 738 p. (In Russ.)

Kiselev V.S. Poetessa i tsar' (Stranitsa istorii russkoi poezii 40-kh godov) [A poetess and the Tsar (A page from the history of Russian poetry of the 1840s)]. *Russkaia literatura*, 1965, no. 1, pp. 144–156. (In Russ.)

Kiselev-Sergenin V.S. Po staromu sledu (O ballade E. Rostopchinosi "Nasil'nyi brak") [Following the old trail (On the E. Rostopchina's ballad "Forced Marriage")]. *Russkaia literatura*, 1995, no. 3, pp. 137–152. (In Russ.)

Kobrinskii A. "Literaturnaia draka" kak fenomen literaturno-khudozhestvennogo byta nachala XX veka (skandal 8 noiabria 1913 goda v "Brodiachei sobake") ["Literary scuffle" as a phenomenon of literary and artistic life of the early 20th century (scandal in the "Stray Dog" cafe on November 8, 1913)]. *Russkaia kul'tura v tekstakh, obrazakh, znakakh 1913 goda: Materialy mezhhregional'nogo nauchno-teoreticheskogo seminar "Kul'turologicheskie shchudii"* [Russian culture in texts, images, signs of 1913: Materials of the interregional scientific and theoretical seminar "Cultural studies"]. Kirov, Viatka State University Publ., 2003, pp. 46–53. (In Russ.)

Kolonitskii B.I. Slukhi ob imperatritse Aleksandre Fedorovne i massovaia kul'tura (1914–1917) [Rumors about Empress Alexandra Fedorovna and popular culture (1914–1917)]. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva. T. 1* [Bulletin of history, literature, art. Vol. 1]. Moscow, Sobranie Publ., Nauka Publ., 2005, pp. 362–378. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. T. 95: Gor'kii i russkaia zhurnalistika nachala XX veka: Neizdannaiia perepiska [Literary heritage. Vol. 95: Gorky and Russian journalism of the early 20th century: Unpublished correspondence]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 1079 p. (In Russ.)

Milovidov V.A., Solov'eva A.S. Semiotika skandala [Semiotics of scandal]. *Kritika i semiotika*, 2006, no. 10, pp. 186–191. (In Russ.)

Pravilova E. *Nasledniki, eksperty i problema "avtorskoi voli"* [Heirs, experts and the problem of "author's will"]. Available at: <http://gefter.ru/archive/15044> (accessed: 08.07.2019). (In Russ.)

Przhetslavskii O.A. Kaleidoskop vospominanii [A kaleidoscope of memories]. *Poliaki v Peterburge v pervoi polovine XIX veka* [Poles in St. Petersburg in the first half of the 19th century], comp., intro., ed. of O.A. Przhetslavskii memoirs and comment. A.I. Feduta. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, pp. 29–475. (In Russ.)

Reitblat A.I. *Kto, kak, kogda i zachem sdelał russkuiu klassiku* [Who, how, when and why made the Russian classics] (in print). (In Russ.)

Shabalina N.N. Literaturnyi skandal v kritike V.P. Burenina [Literary scandal in V.P. Burenin's critical works]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki"*, 2012, vol. 154, no 2, pp. 145–151. (In Russ.)

Skandal kak forma kommunikatsii: Sb. nauch. st. [Scandal as a form of communication: A collection of scientific essays]. Moscow, Modern Unniversity for the Humanities Publ., 2012. 247 p. (In Russ.)

Skandal: sfery vozdeistviia: Sb. nauch. st. [Scandal: spheres of influence: A collection of scientific essays]. Moscow, Modern Unniversity for the Humanities Publ., 2013. 241 p. (In Russ.)

Slukhi v Rossii XIX–XX vekov. Neofitsial'naia kommunikatsiia i "krutye povoroty" rossiiskoi istorii: Sb. st. [Rumors in Russia of the 19–20th centuries. Unofficial communication and "sharp turns" of Russian history: A collection of essays]. Cheliabinsk, Kamennyi poias Publ., 2011. 362 p. (In Russ.)

Stepanov B.E. Literaturnyi skandal i politicheskoe voobrazhenie: A. Prokhanov i ego "Gospodin Geksogen" [Literary scandal and political imagination: A. Prokhanov and his "Mr. Hexogen"]. *Politiia: Analiz. Khronika. Prognoz*, 2008, no. 3, pp. 89–104. (In Russ.)

Zuseva V. Shum vremeni i shumnaia izvestnost' [Time noise and noisy fame]. *Arion*, 2018, no. 2, pp. 18–26. (In Russ.)

On the sociology of literary scandal

© 2019, Abram Reitblat

Abstract: In real literary life, a scandal is a quite familiar, if not an everyday, element, but the literary science neither analyzes it nor includes the term "scandal" in its categorical apparatus. The article attempts to demonstrate that scandal is a normal element of the literary system that plays an important stabilizing role. The norms of literary ethics are unwritten and uncoded, but, having acquired them in the course of practical activity, the vast majority of writers knows and follows them. The following basic conditions are needed for a scandal: violation of the norms accepted in literature; the publicity of this violation, i.e. presence of an observer, witness; the presence of the public, i.e. the opportunity to make the information about the misconduct public. By problematizing the norm and provoking a response, the scandal strengthens the norm.

Keywords: literary scandal, literary ethics, norms of writers' behavior.

Information about the author: Abram Reitblat, PhD, "Novoe Literaturnoe Obozrenie" / Russian State Art Library, Moscow, Russia. E-mail: reitblat@nlo.magazine.ru

Citation: Reitblat Abram. On the sociology of literary scandal. *Literary fact*, 2019, no. 3 (13), pp. 161–182. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-161-182